

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 330.101

DOI: 10.17223/19988648/34/23

Ю.Г. Швецов

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье излагается авторская концепция об абсолюте нравственных форматов бытия в Мироздании, степень витальности или латентности которых в астрально-ментальном пространстве нашей планеты коренным образом влияет на тип экзистенции общества и его материальной базы. Опровергается прочно укоренившееся в социуме представление о том, что экономикс – это наука. Доказывается этическая ущербность теоретической платформы рыночного хозяйства, обосновывается необходимость переосмысления всех ее методологических принципов. Аргументируется, что метафизичность явлений, сопровождающих процесс материального производства, имеет под собой объективную основу и является необходимой составной частью экономики.

Ключевые слова: экономика, нравственность, экономическая теория, типы хозяйствования, материализм, человеческий фактор, метафизичность явлений, духовные ценности.

Окружающий людей Мир живет по объективным законам, в гармонии со всем существующим, что означает стремление каждой следующей по пути добра Сути к достижению душевного равновесия (раскрытие нравственных начал) и ее непрерывную эволюцию (реализация творческого потенциала). В противоположность гармонии хаос ассоциируется со злом (отрицание этики) и стагнацией в развитии (регрессом). Поэтому любые законы человеческого общежития, если они только не надуманны, закономерно действуют в унисон с Вселенскими, а значит, **обязательно** включают в себя нравственную компоненту.

Экономика и нравственность: что может быть между ними общего? Первое из этих двух понятий характеризует явление сугубо материальное: процесс товарно-денежного производства как результат взаимодействия хозяйствующих субъектов, выражающийся в объективных макро- и микроэкономических показателях эффективности их деятельности. Вторая дефиниция всеми традиционно связывается с духовной сферой жизни общества, с определенными этическими нормами поведения людей.

Итак, экономика – это вещественная основа существования индивидуумов, жестко-прагматическая сфера их деятельности, а нравственность есть продукт духовного совершенствования человека, относящийся к области сознания. Экономика – это базис, материальный фундамент декорума, а нравственность – суть надстройка, духовный его сегмент. Тем не менее, как это всегда и бывает в жизни, эти два понятия являются единством противоположно-

стей, не исключających, а, наоборот, дополняющих и развивающих одно другое.

Законы экономики не могут быть этически выхолощенными; они должны быть неразрывно связаны с внутренним миром личности и его духовно-нравственными ориентирами. Поэтому экономическая теория в нынешнем виде с ее всецелым неприятием последних изжила себя и нуждается не просто в ревизии отдельных элементов, а в *полном переосмыслении* всех методологических принципов.

Однако все имеющиеся в наличии учения – меркантилизм, физиократия, классицизм, неоклассицизм, марксизм, институционализм, кейнсианство, экономикс, маржинализм и пр. – сходны в главном: считают рынок непререваемым и безальтернативным стержнем производственных отношений в обществе. Различия же в подходах к генезису и спектральному формированию капитализма, как и в трактовке их отдельных нюансов, демонстрируемые различными научными школами, на этом фоне выглядят несущественными. Основной порок всех этих, без исключения, теоретических дискурсов заложен в сведении богатства и разнообразия субстанционального бытия человечества до уровня *примитивного материализма*.

Обратимся для примера к недавним публикациям в российских центральных журналах. Так, Б. Рахаев, М. Шомахова, Б. Бизенгин, рассматривая возможность разработки в России «собственного пути развития, отличного от того, которым идут другие страны», представили макет такого маршрута, который, увы, не отличается оригинальностью в сравнении с другими вследствие того, что «эта модель должна основываться – обязательно – на фундаментальных принципах рыночной экономики» [28].

Тривиален в своих рассуждениях и В. Кудров, заявляя, что «...есть немало людей и за рубежом, и в России, которые хотели бы объявить нынешний кризис на Западе крахом капитализма, однако этот кризис представляется мне стимулом и прологом к рациональному решению проблем развития». С пеной у рта отстаивая неприкосновенность рынка в качестве материального базиса общества, автор усматривает реальную угрозу для него только в том случае, если «экономическая наука в значительной мере может вновь стать пропагандистом примитивной модели государственного насилия над экономикой». А дальше повторяется все та же старая песня, привычно прославляющая систему товарно-денежного обращения и наделяющая ее сверхъестественными способностями: «Не хочу, чтобы читатель воспринял эти мои мысли как отрицание необходимости государственного регулирования. Но не оно является основой механизмов экономической жизни, а именно рынок... всё устанавливают рынок, рыночные механизмы» [17. С. 28, 30–31].

Позиция Ю. Князева и вовсе безапелляционна. «Рынок, – говорит он, – представляет собой бесценный социальный институт, призванный решать общественно важные задачи в экономике посредством саморегулирования». Мировые финансовые кризисы спровоцировали, по мнению автора, практика «непомерного использования кредитования для ускорения экономического роста», а также ошибочная финансовая стратегия, которая основывалась на «беспардонном игнорировании основополагающих закономерностей рыноч-

ной экономики, не признающей фиктивных ценностей и требующей вовремя от них избавляться, возвращаясь к системе реальных величин».

Сам же капиталистический способ производства исследователь сомнениям подвергать не решается, наивно полагая, что «этот очередной «провал рынка» можно предотвратить только сознательным регулированием со стороны государственных органов, опираясь на классические условия рыночного равновесия и экспертную оценку безопасности отступления от них с учетом современных плюралистических возможностей влияния на кредитно-денежную политику» [12]. Любопытно, занимая диаметрально противоположные позиции в отношении роли государства в экономике, ни В. Кудров (ярый «рыночник»), ни Ю. Князев (непримиримый «государственник») альтернативы товарно-денежному хозяйству все равно не видят.

В своем другом, более фундаментальном и основательном, произведении Ю. Князев подчеркивает, что «...актуализировался вопрос о социальной сущности капитализма, о его жизнеспособности, о совместимости этого общества с общечеловеческими идеалами справедливости... оживилась дискуссия о возможности превращения современного капитализма в более справедливое общество», в связи с чем со всей остротой встала проблема «идентификации типа общества, в которое перерастает современный капитализм...»

Задаваясь далее дилеммой соотношения справедливости и эффективности в материальном базисе общества, автор делает бесспорный вывод о том, что «стремление к экономической справедливости означает сначала бессознательную, а затем и осознанную тягу человека к равным возможностям занятия хозяйственной деятельностью и к такому присвоению ее результатов, которое бы не приводило к закреплению временного имущественного неравенства». Однако, и это печально, решение проблемы ученый видит не в отходе цивилизации от отжившей формы общественно-экономической формации, а лишь опять же в ее внутренней и внешней реставрации.

«Было бы неосмотрительно отрицать возможность дальнейшего продвижения капитализма к еще большей справедливости», – пишет он, настаивая на том, что «рынок как объективный социальный механизм саморегулирования производства, распределения и потребления товаров не может быть отменен без ущерба для нормального развития экономики». «Лечение» капитализма Ю. Князев предлагает осуществлять по рецептам государственного в него вмешательства, как будто терапевтическая сила воздействия последнего не доказывала, причем неоднократно, свою полную беспомощность и отсутствие всяческого гуманизма.

Автор ратует за «общество с социально регулируемой рыночной экономикой», которое позволяет «обеспечить рост благосостояния большинства населения». Вот то-то и оно, что только часть, пусть даже и большую из числа людей, но не *всех* удастся облагодетельствовать в рамках подобного строя, который к тому же, признает и сам Ю. Князев, «и в этой своей ипостаси... по-прежнему испытывает дефицит справедливости» [13].

«Наступает время проанализировать имеющиеся идеи и наполнить экономическую теорию новым содержанием», – интригующе начинает А. Орлов. Однако дальнейшая фабула статьи полностью рассеивает иллюзии относительно заявленной свежести мысли: она почти целиком посвящена опровер-

жению, выполненному, кстати, не совсем убедительно, метода К. Маркса по созданию стоимости на основе труда и рабочего времени, который сам по себе, конечно, всю теорию не охватывает, являясь лишь ее необходимой частью [25].

Т. Койчуев отмечает: «На постсоветском пространстве остро ощущается потребность в экономической науке, способной глубоко осмыслить сущность сложившейся постсоциалистической общественной системы, неадекватность этой системы потребностям общественного прогресса, провести взвешенную, но принципиальную переоценку унаследованных теоретических постулатов и нынешних моделей и ориентиров, разработать пути более успешного развития общества».

Размышляя о требованиях, предъявляемых к такому учению, автор подчеркивает, что существо его должны составлять «размышления действительно свободные, раскованные, дискуссионные. Они не замыкаются в кругу «вечных» положений одной школы, не находятся в плену чисто экономических подходов. Они наполнены философским смыслом...» Но сам автор, к сожалению, не выдвигает какой-либо стройной научной концепции, противостоящей имеющимся доктринам, ограничиваясь поверхностными пространственными рассуждениями о неэкономических резонах формирования материального базиса социума, а также о роли политической экономии в составе образовательных дисциплин [15].

Застой в теоретических изысканиях очевиден, и не случайно уже с 90-х гг. прошлого века прогрессивными учеными всего мира оживленно обсуждаются варианты будущей экономической модели декорума [9, 35, 39]. Крах рыночной экономики для них, в отличие от предыдущих авторов, – факт уже достаточно очевидный. Но вот что характерно. Большинство исследователей в качестве панацеи для выхода из кризиса рекомендуются исключительно превентивные меры, в числе которых ориентация на «перегруппировку сил» в системе мирового хозяйствования, сохранение в явном или неявном виде бинарного сценарного условия: лидеры – аутсайдеры, ставка на новые технологические принципы и совершенные способы экономической деятельности. Однако все предлагаемые новации, даже самые революционные из них, неизменно воспроизводят основополагающий порок рынка – культ материализма.

Так, Е. Балацкий посвящает своеобразный панегирик доктрине самоуничтожающейся системе хозяйствования, в соответствии с которой «необходим *переход к глобально регулируемой и тотально планируемой экономике*, в которой производство новых благ шло бы параллельно с уничтожением старых материальных ценностей». Эту реформу, однако, подразумевается осуществлять, сохраняя в неизменном виде институт частной собственности со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями, противодействующую направленность которых в конце концов признает и сам автор: «Принцип построения самоуничтожающейся экономики является ключом против кризисов, но он не дает автоматического решения этой вечной проблемы» [2].

П. Кохно, исследуя генезис современных типов хозяйствования, отмечает следующую тенденцию: «Превращение формирования сознания в наиболее выгодный бизнес изменяет сам характер человеческого развития. Если рань-

ше человечество изменяло окружающий мир, то теперь оно перешло к изменению самого себя». И далее: «...идет формирование собственности на знание и информацию, которые становятся нераздельно связаны с теми, кто их производит. Из сказанного следует, что в постиндустриальном обществе социально-классовые различия будут вызваны, прежде всего, различиями в уровне образования людей, а не их отношением к собственности на средства производства».

Резюмируя, ученый делает вывод о том, что «...путь к постиндустриальному обществу как относительно отдаленной цели, очевидно, должен пролегать через смешанную, социально ориентированную экономику, через комбинацию рыночных и нерыночных факторов, конкуренции и сотрудничества, эффективности и справедливости, частных и общих интересов, индивидуальности и коллективности, самоорганизации и организации – этих, хотя и противоречащих друг другу, но не взаимоисключающих сущностей» [16].

Но социально ориентированная экономика невозможна в условиях рынка, комбинация рыночных и нерыночных факторов всегда сводится к превалированию первых над вторыми, там, где есть конкуренция, напрочь отсутствует сотрудничество, и т.д. и т.п. Это не только противоречание, но всегда и взаимоисключающие сущности, ибо все предыдущие попытки «очеловечения», которых в истории было великое множество, рыночная экономика неизменно либо игнорировала, либо отторгала.

Целый ряд известных зарубежных ученых, даже признавая важность этических начал для регулирования производственных процессов, все же сводили их значение к роли своеобразной примеси в растворе рыночной экономики.

А. Смит полагал, что отдельные индивиды, руководствуясь собственными эгоистическими интересами и пытаясь максимизировать свое личное богатство, направляются объективными законами рынка, под воздействием которых индивидуальные действия людей в конечном счете увеличивают общественное благо [33].

М. Вебер считал, что капитализм основан на важнейших положениях протестантской этики [5].

Г. Шмоллер настаивал на том, что именно государство в условиях рынка способно обеспечить реализацию принципа справедливости в обществе [41], а изучение экономики следует начинать с исследования базовых институтов, формирующих ценности и национальных дух, таких как семья, церковь, соседская община и т.п. [11. С 169].

Дж.М. Кейнс обосновывал, что компромисс экономической и нравственной сторон жизни есть приоритетная цель государственной политики [10].

К.Дж. Эрроу был убежден, что этические нормы общественного поведения способны компенсировать недостатки рынка [42].

Но реализовать в полной мере нравственные ценности в условиях капиталистического способа производства невозможно, это всегда будет некий суррогат этических начал, приправленных корыстолюбием. Большинство же апологетов рыночной экономики и вовсе отвергали эти начала, рассматривая их исключительно как несбыточную мечту, не имеющую никакой практической значимости. В унисон вторят им и современные российские экономи-

сты. Так, А. Любинин безапелляционно заявляет: «Утопизм представителей домарковского социализма не имел земных корней и опирался на моральные императивы свободы, равенства и справедливости» [22. С. 37].

Попытка приблизить прагматизм рыночной экономики к религиозным идеалам была предпринята авторами *тоухидной* ее *модели*, в частности А. Банисадром [3]. В соответствии с последней «экономика – это одно из средств сближения с Аллахом, механизм реализации религиозной морали, а не инструмент удовлетворения потребностей человека... Последовательное применение подобных положений на практике открывает путь к отрицанию современных товарно-денежных отношений.

В качестве модели в тоухидной экономике Банисадра выступает идеальное исламское общество, где каждый является собственником средств производства. При этом собственность на последние ограничивается пределами трудовых возможностей каждого человека, а не капитала. Высокий доход, полученный без приложения дополнительного личного труда, неправомерен... Автор видит образцовое исламское общество как мир, где господствует изобилие и отсутствуют государственные границы и где главной ценностью провозглашается знание.

Теоретическая платформа тоухидной экономики в целом выглядит довольно привлекательно. Однако более детальное знакомство с ней обнаруживает наличие существенных изъянов, которые автоматически переводят заявленные цели в разряд декларативных. Прежде всего, и это главное, реализацию искомой модели предлагается осуществлять в условиях незыблемости рынка, т.е. путем совмещения несовместимого. Кроме того, данная теория не признает связь частной собственности с товарно-денежным характером производства, основывается на непрременной автаркии исламского государства (противопоставлении его остальному миру), проблему эксплуатации труда сводит к несовершенному механизму использования прибавочного продукта и прибавочной стоимости и пр. Концепция тоухидной экономики вводит ее поклонников в заблуждение, ибо обозначенные ею благие цели, подчиненные нравственному императиву, недостижимы предлагаемыми методами, позаимствованными из арсенала отрицаемого на словах капиталистического способа производства.

В ряду критиков рыночной экономики и порождаемого ею общества потребления особое место отводится *религиозным* деятелям. Однако все их призывы к нравственному совершенствованию, верные в своей основе, тем не менее объективно не могут быть канонизированы в реалиях товарно-денежных отношений. Принципиальная ошибка богословов все того же свойства: в попытке истолковать суть справедливого экономического строя категориями рыночного хозяйствования. Конкретным подтверждением сказанному является разработанный православными священниками перечень нравственных устоев экономической деятельности [32], представляющий собой на самом деле типичную эклектику благих, верных в своей основе, пожеланий, но ошибочных толкований механизма их реализации на практике.

Из них выделяются следующие:

– «идеальная модель хозяйствования не существует сейчас, но к ее воплощению можно и должно стремиться в повседневности»;

– необходимо создавать такой экономический уклад, который поможет гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы личности и общества;

– культ богатства и нравственность в человеке несовместимы;

– честное хозяйствование исключает обогащение во вред обществу;

– общество не должно делиться на сверхбогатых и сверхбедных;

– состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности».

Остановимся более подробно на тех декларируемых принципах (всего их двенадцать), которые, на мой взгляд, изощренно-искаженно интерпретируют основные устои справедливого социума вообще и его экономической модели в частности.

1. «Исторически российская духовно-нравственная традиция по преимуществу склонялась к приоритету духовного над материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа».

Превосходство духовного над материальным никоим образом не может сводиться к самопожертвованию личности ради нередко эфемерных и во многом абстрактных общественных благ. Каждый индивид – непреходящая ценность в Мире, истинное благополучие недостижимо за счет страданий, причиняемых социумом даже отдельно взятому человеку. Не случайно далее по тексту говорится о том, что «...крайности такого выбора приводили к страшным трагедиям».

2. «Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости».

Для альтруиста собственность никогда не является самоцелью, и уж тем более он не будет ее использовать для барышничества; кроме того, последняя – атрибут рыночной экономики в ее чистом виде.

3. «Деньги – лишь средство для достижения поставленной цели».

И это заявление соответствует реалиям исключительно капитализма, вне которого деньгам отводится весьма скромная роль средства обращения.

4. «Важнейшая функция государства заключается в эффективном контроле над соблюдением договоренностей».

Основной предпосылкой проведения любого мониторинга является подозрение контролирующего лица о возможном наличии в действиях контролируемого субъекта личной корысти в совершаемых действиях. Благодатная почва для нее исчезает вместе с ликвидацией товарно-денежных отношений, а значит, и надобность в бессмысленной, громоздкой и неуклюжей процедуре мониторинга автоматически отпадает сама собой.

5. «...В России главный лозунг делового сословия звучал так: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли».

Основной закон существования рыночной экономики – извлечение прибыли любой ценой, в том числе за счет эксплуатации наемного труда, спекулятивных операций, ростовщичества. Это – норма, аксиома бизнеса, накладывающая при занятии им вето на любые попытки проявления сентиментальности. Поэтому вышеприведенная фраза звучит красиво, но не более того.

6. «Капитал материальный и финансовый сегодня невозможно ни создать, ни удержать без капитала интеллектуального – добровольного приложения человеком своих способностей, умений и знаний».

Именно так. Но слово «добровольный» здесь вряд ли уместно, ибо стремление к большей выгоде всегда предполагает «выжимание» максимума из человеческого ресурса; кроме того, интеллект наемного работника, даже самого квалифицированного, используется крайне однобоко – только в корпоративных интересах, находящихся в постоянно воспроизводимом рынке противоречия с потребностями всестороннего развития личности.

7. «Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым».

Чистейшей воды утопия. Корысть – вот главный мотив как политической, так и экономической деятельности человека в условиях капитализма. Это побуждение всегда внутри, оно не выставляется на всеобщее обозрение, а тщательно конспирируется. Многолетняя история общества потребления практически не знает примеров открытости власти и бизнеса.

8. «В экономике нет места коррупционерам и другим преступникам».

Рыночная экономика ориентирована на низшую природу человека, его низменные наклонности, поэтому финансовые злоупотребления и уголовные преступления – ее неизменные спутники на протяжении всей летописи этой системы хозяйствования.

9. «Отстаивание бизнесом своих интересов перед властью должно быть законным и открытым для общественного контроля».

Законные способы ведения предпринимательской деятельности свойственны исключительно малому бизнесу, его олигархический антипод стремится к сверхприбыли, которая недостижима легитимными методами хозяйствования.

10. «Соккрытие доходов, незаконный увод капиталов за рубеж равнозначны обкрадыванию своих соотечественников».

Верно, но это тоже реалии рынка, которые неустранимы в рамках этой модели экономической деятельности.

11. «Конкуренция – один из двигателей экономики. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения».

Конкуренция не может быть этичной, она есть борьба корыстных людей за материальные блага, в процессе которой, как показывают вековые традиции, стороны не гнушаются радикально недобросовестными средствами.

12. «Приватизация – не самоцель. Нравственно оправдана законная передача общественной собственности в частные руки».

Общественная собственность – это достояние всего человечества. Передача ее под частную юрисдикцию означает заведомо необъективное предпочтение одних лиц в ущерб другим, создает условия для материальной разностатусности первых и вторых, которая неизбежно принимает гипертрофированные формы в декоруме потребления.

Все-таки нельзя запрыгать в одной упряжке «коня и трепетную лань». Призывы церкви к гуманизации человеческих отношений рынок попросту не

слышит, методично и целенаправленно сортируя людское сообщество по уровню благосостояния его индивидов. Но если попытки объединения нравственности и экономики, этики и вещизма тщетны, а сам капитализм уже близок к пределу своего существования, остается только один путь развития человеческой цивилизации – *сознательного отказа* от рыночной экономики в качестве материальной базы социума.

Этот вывод выдвигает необходимость формализации основных параметров ее возможного правопреемника, в связи с чем нельзя не сказать несколько слов о модели экономики, которая, во-первых, является своеобразным антиподом нынешнему рынку, а во-вторых, по ряду своих универсалий наиболее полно соответствует справедливому типу производственных отношений.

Речь идет о *социалистической системе хозяйствования*, где впервые на практике было реализовано намерение поставить во главу угла воспроизводство человеческой личности. К сожалению, эта попытка потерпела неудачу и прежде всего по причине непродуманности и непоследовательности проводимой в социуме экономической политики.

С одной стороны, в СССР сложилась стройная и эффективная система бесплатного образования и здравоохранения, социальной поддержки населения, был создан действенный механизм формирования общественных фондов потребления, задействована мощная индустрия реализации творческого потенциала людей и пр.

С другой стороны, продолжилась порочная практика отношения к человеку как к ресурсу национальной экономики, который нещадно эксплуатировался в целях достижения мифических «государственных интересов», т.е. все происходило по принципу: не государство для человека, а, наоборот, индивид для метрополии. Были, естественно, и другие крупные просчеты в организации социалистической системы хозяйствования, но вышеотмеченный являлся определяющим, и именно он не позволил реализовать верную в своей основе идею нерыночного подхода к формированию материального каркаса декорума.

Соглашусь с А.Г. Глинчиковой в том, что «...«реальный социализм» рухнул не потому, что общественного интереса как ценности было слишком много, а потому, что революционный запал общественного творчества раннего этапа был почти совершенно вытеснен и искусственно ограничен чисто частным интересом и дискредитирован в ходе последовательного отчуждения граждан от самодеятельного участия в экономической и политической жизни общества. Узурпация государством общественной составляющей индивидуальной активности людей под лозунгами «общественной собственности» привела, с одной стороны, к соединению в сознании людей принципа «общественной ценности» и «общественной собственности». А с другой – к заблуждению относительно главной причины заболевания системы – о якобы «недостаточном уважении к частному интересу». В то время как это «уважение» на социальном уровне было фактически гипертрофировано, без компенсации реальным уважением к интересу общественному» [7. С. 6–7].

В мировом научном, да и не только научном, сообществе отношение к Октябрьской революции крайне противоречивое в диапазоне от злобно-негативного до восторженно-позитивного. К числу последних, несомненно,

относится и известное произведение М. Лифшица, которое представляет собой своеобразный гимн социализму, изложенный в литературной форме. Этот дифирамбический трактат, написанный очень эмоционально, даже патетически, изобилует, однако, серьезными методологическими погрешностями. Остановимся только на главных.

Во-первых, автором тенденциозно навязывается как абсолют изобретенная им особая форма нравственности – революционная, которая «не нуждается в санкции божества – ни церковного, ни придуманного какой-нибудь социалистической сектой для «религии человека»... Полвека спустя после Октябрьской революции можно сказать, что человечество не нашло другого выхода и другой нравственной силы, которая ставила бы вопрос об оправдании человеческой жизни с такой неотразимой честностью, как трезвая, лишенная всякой позы революционная нравственность Ленина».

У нравственности отсутствуют разновидности, она либо есть, либо ее нет; но когда она есть, то отделить ее от Божественности нельзя, она всегда сливается с ней. У М. Лифшица же они противопоставляются друг другу: «Ленин был сторонником материалистической философии и в царство божие не верил».

Во-вторых, «материалистическая» нравственность автора вполне лояльно относится к Злу, ибо «при известных обстоятельствах насилие есть неизбежная, хотя и тяжкая необходимость». Что-то знакомое, не правда ли? Ба, да ведь это же реваншизм И.А. Ильина [8], только вывернутый наизнанку: если философ русский оправдывал зверства Белой гвардии, то советский – Красной армии.

Насадить добро *внешним принуждением* к нему невозможно, оно кропотливо культивируется самим человеком посредством его доброй воли. Можно только посеять росток добра в душу индивида, но превратить это зерно в могучее дерево всепоглощающего света божественной любви – задача самой личности. Подлинные свобода и братство людей достигаются не скороспелыми восстаниями и революциями, демоническими силами борьбы, несущими лишь зло и хаос, а повседневной эволюцией, самосовершенствованием духа и души каждого представителя *homo sapiens*. Общество, создающее для этого подходящие условия, есть единственно прогрессивное и нравственно зрелое.

В революциях же участвуют слишком *разные* по эволюционному развитию люди, проявляющемся прежде всего в неодинаковом толковании нравственных ценностей и отношении к ним. Поэтому объединяющий личности на борьбу душевный порыв и энтузиазм *всегда* краткосрочны, и после неминуемого их исхода неизбежно начинают проявляться расхождения индивидов во взглядах. После победы ее эйфория быстро рассеивается, эмоциональный подъем единения иссякает, уступая место спаду, будням повседневного реализма. Начинается размежевание: лидеры отделяются от рядовых участников; первые занимают командные высоты власти или близко к ним, дающие возможность не ощущать дефицита материальных благ, а вторые озабочиваются изысканием путей их обретения, довольствуясь плодами моральной удовлетворенности общего успеха. Статус-кво верхи-низы закономерно восстанавливается.

Посему утверждать, что «Октябрьская революция поставила человеческую проблему, которую отвлеченно решали все нравственные системы мира, на реальную историческую почву» [19], явно преждевременно. Более правомерно все-таки определить значение революции 1917 г. и последовавшего затем периода социалистического строительства как первую попытку реализовать возможность сплоченности людей на этической основе, хотя и не достигшей поставленной цели, но указавшей на вероятность ее обретения в будущем.

Противоположную точку зрения, резко негативно оценивающую период социализма, высказывает В. Кудров, заявляя, в частности, что «марксизм был не столько догматической наукой (а потому не вполне научной), сколько идеологией революции против капиталистического строя... Объективной целью... развития Маркс и Энгельс полагали построение коммунизма, обозначенного лишь примитивной пропагандистской формулой и являющегося, совершенно очевидно, утопией». Это действительно так, но в последнюю марксизм превратился благодаря агрессивно-материалистическому запалу своего учения, самодовольно считавшего химерой этические аспекты бытия человека, с головой погрузив его в болото прагматизма и бездуховности и лишив того главного, для чего Суть и воплощается на Земле. Свободы и справедливости в социуме безнравственными средствами достичь невозможно.

Этот же вывод напрашивается и при подведении итогов существования в СССР социалистического общества. Большим заблуждением следует считать авторский тезис о том, что «социализм, несмотря на целый ряд позитивных сдвигов в экономике, образовании народа, отчасти и в культуре (несмотря на ее полную закабаленность ложной идеологией), явил собой исторический тупик...» [17. С. 26, 27]. Социализм впервые явил миру *пример духовного единения* не семьи, рода или группы людей, но *целого народа* на пути к реализации великой нравственной идеи, посрамления прагматизма этикой, продемонстрировал как возможность, а не тщету, воплощения многовековых грез человечества о торжестве добра в бытии. Эта идея жива и поныне, и она все настойчивее стучится в будущее – вот в чем, на мой взгляд, кроется историческая оценка этого строя.

А. Любинин осуществил сравнительный анализ двух основополагающих направлений, безраздельно властвующих в поле современной экономической теории, *двух политэкономий*: неоклассической (буржуазной), или экономикс, и марксистской. Работа автора очень объемная, он скрупулезно «сканирует» достоинства и недостатки обеих школ научной мысли, отстаивает их фундаментальность, защищая от притязаний на роль «науки наук» со стороны новейших парадигм знания – национальной экономики и политической экономии особенного. Но нам интересен не столько спор о том, какая из перечисленных концепций более выигрышна и почему, сколько вопрос об их принципиальных расхождениях в отношении к главному участнику производственного процесса – человеку. Таковых, однако, не обнаруживается.

В основу марксистской политэкономии, указывает А. Любинин, положены две основные чтойности. Во-первых, «материалистическое понимание истории», из которого следует, что люди творят историю согласно объектив-

ным законам развития общества, зависящим в конечном счете от экономической основы. Тем самым из исторического процесса удаляется не только «абсолют» («Бог»), но и отдельно взятый субъект, в соответствии с чем автор «Капитала» и мог охарактеризовать цель своего сочинения как «открытие экономического закона движения современного общества».

Поразительное в своей циничности допущение: если Бог есть, как можно в исследовании сущего от него абстрагироваться? С другой стороны, пренебрежение потребностями конкретного субъекта превращает разрабатываемую теорию в безнравственную. Итак, безбожие и безнравственность такой политэкономии дают А. Любину все основания, чтобы заключить: «Материализм Маркса в данном случае – строгая позиция ученого по отношению к реальности изучаемого предмета». Каково!

«Во-вторых, – пишет далее автор, – параллельная марксова акцентировка другой, противоположной, стороны общественного бытия, связанной с активностью отдельно взятого субъекта, преследующего свои особые цели и по-своему относящегося к окружающей среде, вырабатывающего свои представления о жизни и собственном месте в ней, проявляющего свое деятельное отношение к социальным процессам. Речь идет об области массового быденного сознания, которым люди руководствуются в повседневном поведении, о стихийно складывающихся способах психологического и эмоционального приспособления к окружающей социальной, в том числе социально-экономической, действительности». Но и здесь нет полноценного учета личностных качеств человека, ведь нельзя же всерьез о нем говорить, апеллируя к стихийности явлений и к необходимости не преобразования действительности, а лишь о приспособлении к ней.

Схожее отношение к человеку как фактору производства прослеживается и у экономикс. Ее авторы стремятся «исходить в экономическом анализе из таких причин, которые имели видимые основания в природе... и исключить все то, что зависит от мнения и желания людей...» Правда, к предмету экономической науки А. Маршалл, например, относит «...побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни», а экономическая наука «имеет дело с постоянно меняющимися, очень тонкими свойствами человеческой натуры» и «занимается главным образом теми желаниями, устремлениями и иными склонностями человеческой натуры, внешние проявления которых принимают форму стимулов к действию...»

«В итоге оказывается, – заключает А. Любинин, – что «экономикс» – политэкономия субъекта, его психофизиологических проявлений в процессе хозяйственной деятельности... Причем объяснения, которые предлагает эта политэкономия, отражают уже не объективные причины и свойства: они суммируют субъективные мнения, в том числе иллюзии, трактуя их в качестве реальных фактов» [21].

Следует признать, что доктрина «экономикс» мало чем отличается от марксистской политэкономии: все та же анархия рынка, к которой личность вынуждена постоянно принаравливаться в форме рационального выбора, о механизме которого исписаны тонны литературы. Неоклассическая экономическая теория столь же этически непривлекательна, как и ее основной оппо-

нент, и это хорошо видно из высказывания одного из представителей экономикс, Ф.А. Хайека: «Я не считаю, что получившее широкое хождение понятие «социальной справедливости» описывает какое-то возможное положение дел или хотя бы вообще имеет смысл» [40. С. 17].

Современная экономика, которой с незапамятных времен уготована участь кальки, фиксирующей перемещение вещественного богатства в сообщающихся сосудах социума, опутанного сетями рынка, загнанного им в тупик, превратилась в настоящий театр абсурда. Так, нобелевский лауреат Роберт Лукас, нисколько не стесняясь своей позиции, прямо заявляет о цели, которую он преследует в своих исследованиях: «создание механического искусственного мира, населенного взаимодействующими между собой роботами, которых обычно изучает экономикс». Экономическая же теория, по его мнению, это лишь то, что «можно поместить в компьютер и прогнать на нем» [43. Р. 5]. Поэтому тысячу раз прав Дж. Кэй, выносящий убийственный вердикт: «Современный экономист – это клинический врач без пациентов, инженер без проектов. И поскольку такие экономисты не занимаются проблемами, стоящими перед реальными компаниями или семьями, клиенты к ним и не приходят» [18. С. 9].

Ортодоксальная неуступчивость теоретиков рыночной экономики насущной необходимости ниспровержения ее догматов, непоследовательность современного богословия в трактовке справедливого экономического базиса бытия и несостоятельность концепции приверженцев социалистической системы хозяйствования, лишь на словах провозглашавших идеалы равенства и братства, обуславливают явственно проявляющееся *бессилие современной экономической теории* дать импульс дальнейшему совершенствованию общества в рамках существующих производственных отношений.

Симптоматичным представляется современное ее содержание об особенностях проявления и *роли личностного фактора* в сфере материального производства. В статье с характерным названием «Новая модель человека для экономической науки» М. Сторчевой отмечает, что «сначала экономисты рассматривали все культурные и психологические факторы как «шум», который искажает, но не опровергает действие рационального выбора. А области, где «шум» достигал критического значения (например, дружба или политика), были объявлены «неэкономическим поведением».

Далее автор приводит развернутую аргументацию собственного видения этой проблемы, в соответствии с которым «принципиальным отличием новой модели рационального выбора является главная цель деятельности человека. Если в традиционной модели этой целью была максимизация полезности, то в новой модели максимизация представляет собой в лучшем случае одну из подзадач, а единственная конечная цель деятельности – выживание (? – Ю.Ш.). Соответственно все, что увеличивает шансы на выживание, считается в новой модели рациональным выбором, и наоборот».

Итак, выживание провозглашается главной целью человеческого существования. Именно ей, по мнению автора, подчинены все три уровня принятия решений – биологические инстинкты, культура и интеллект. Здесь прослеживается очень интересная тенденция изменения взглядов рыночной политической экономии на метафизические характеристики человеческих взаимоотно-

ношений: от их полного отрицания хозяйственным механизмом («шум») до попытки прикладного использования и подчинения идеологии прагматизма.

Последнее предлагается реализовать путем приведения в действие целого ряда конкретных генетических и культурных программ, содержание которых весьма показательно. Трудно привести более наглядный пример степени цинизма современной «науки». Моделирование человеческой личности автором рекомендуется осуществлять с одной-единственной целью: полного истребления в ней потребности следования этическим предпочтениям. Проследим внимательно, какова выбираемая техника ее достижения.

Честность: потребность в ее программировании появляется в случае, «если разум человека ограничен и он либо совсем не способен увидеть рациональных выгод честности, либо эгоистический инстинкт получения краткосрочной выгоды перевешивает и вытесняет любые мысли о потенциальных выигрышах и потерях в будущем».

Любовь: «интеллект эгоистичного человека может решить минимизировать число детей, поскольку это уменьшает уровень потребления самого человека... С другой стороны, для эффективной конкуренции в современном обществе в детей необходимо вкладывать много ресурсов, и увеличение числа детей приводит к ослаблению конкурентных возможностей каждого из них».

Дружба: «способность получать удовольствие от дружбы относится к генетической программе, которая заставляет «неразумного» человека дружить с другими людьми, чтобы в нужный момент воспользоваться их ресурсами... В современном государстве, где хорошо налажена служба социальной помощи, а основные риски потерять источники средств к существованию застрахованы в страховых компаниях, необходимость искать поддержки у друзей отпадает. Следовательно, в таком обществе можно ожидать размывания культурных норм, поддерживающих дружбу между людьми».

Альтруизм: «в большом обществе вероятность повторной встречи с чужим человеком незначительна, что подрывает действие механизма взаимности... Следовательно, с увеличением размеров общества можно наблюдать снижение готовности помогать чужим людям... Еще одно объяснение альтруизма по отношению к чужим людям заключается в том, что, помогая нуждающимся, человек демонстрирует свое превосходство, свой более высокий статус... В данной модели альтруист демонстрирует всему сообществу свое благородное поведение, завоевывает всеобщее доверие и затем получает вознаграждение в виде дополнительных контрактов со стороны общества».

Патриотизм: «психологическую способность человека к патриотическим чувствам могут использовать компании для формирования лояльности своих работников, так как это отличное средство против оппортунистического поведения последних. Таким образом, генетическая способность человека к патриотическим чувствам может быть перепрограммирована культурой для повышения эффективности современной экономики».

Чувство прекрасного: «какова связь между умением ощущать прекрасное и экономическим благосостоянием? Конечно, удовольствие от созерцания прекрасного увеличивает полезность человека и благосостояние, но если она не работает на задачу выживания, это противоречит эволюционной логике...

Чувство прекрасного позволяет человеку действовать более экономно, так как «прекрасным» человек называет то, что одновременно экономично по ресурсам и работоспособно технически».

Счастье: «в обществе, ориентированном на материальное благосостояние, «успешностью» будет считаться достижение сравнительно высокого уровня богатства. Соответственно люди «счастливы», когда им удастся получить доход или приобрести богатство большее, чем у других. Логично предположить, что такое общество будет развиваться быстрее и эффективнее в материальном смысле, чем общество, в котором понятие успешности связано с внутренним миром человека или какими-то другими смыслами» [36].

Конечно же, не примитивное выживание определяет целевые установки человека, а его непрерывное эволюционирование в стремлении приблизиться к Божественности. Поэтому сведение высоких нравственных качеств до утилитарных материальных потребностей – это не что иное, как извращенная логика общества, где авторитет потребления устойчиво непоколебим.

В некоторых исследованиях всерьез задаются вопросами о том, «можно ли заменить ВВП на ВВС (валовое внутреннее счастье)», а также как «максимизировать счастье страны»; имеются работы, где «предпринимается попытка понять факторы счастья», описать «корреляты счастья», «измерить гедонистический индекс «национального счастья», «отыскать детерминанты удовлетворенности», «выделить эгоистическую составляющую предпочтений», «обосновать метрику возможностей» и пр. [38].

Честность не измеряется выгодой, любовь не сводится к биологическим инстинктам, дружба не имеет ничего общего с эгоизмом, альтруизм не подразумевает никакого вознаграждения, патриотизм связан с естественным желанием помогать чужим людям, чувство прекрасного появляется от стремления к гармонии, а счастье – это состояние души, осознающей свое высокое предопределение.

Остановимся на материалах еще одной статьи с не менее впечатляющим названием «Экономическая теория *счастья* (выделено мной. – Ю.Ш.) как направление научных исследований». Последняя «рассматривает, какие экономические факторы и в какой степени определяют человеческое счастье, как счастье человека зависит от уровня экономического развития страны, какие экономические параметры отражают «уровень счастья» общества в целом, как ощущение человеком собственного счастья влияет на результативность его экономической деятельности, какова мера ответственности за счастье самой личности и государства».

Какие же основные причины, по мнению автора, содействуют человеческому счастью? О. Антипина подразделяет их на две группы: экономические и неэкономические. К первой из них причислены «степень экономического развития страны в целом (в том числе доступность и качество медицинских, образовательных, страховых, рекреационных услуг), наличие или отсутствие работы (или источника дохода), размер индивидуального дохода, уровень среднедушевого дохода (в стране, среди членов профессионального сообщества, социальной группы), показатели инфляции и безработицы, а также колебания деловой активности в стране и в мире».

Вторую группу составляют «формальные признаки (возраст, пол, раса), индивидуальные качества личности (определяющие ее, к примеру, как экстраверта или интроверта, оптимиста или пессимиста), социальный статус (образование, профессия, семейное положение), способ проводить время (общение с близкими и друзьями, занятия спортом или хобби, участие в жизни общества, волонтерская деятельность, соблюдение религиозных обрядов, отдых), жизненные условия (климат и состояние окружающей среды, социальное расслоение, правопорядок и т.п.)».

Нетрудно заметить, что все перечисленные факторы обеих групп объединяет одно – они служат отражением сугубо материалистического восприятия действительности, потребительско-эгоистического образа жизни, в котором счастье связывается исключительно с возможностями получения телесно-чувственных удовольствий, с орбиты которого полностью выведены духовные устремления и душевные переживания.

Поэтому полученные результаты исследований оказались ожидаемо невнятными и противоречивыми:

- «уровень счастья американских и европейских женщин... снижается и приближается к «мужским» показателям», что «выглядит нелогично на фоне улучшения условий жизни и труда женской части населения развитых стран»;

- «более высокий уровень образования повышает степень удовлетворенности профессиональной деятельностью, но не всегда повышает уровень счастья»;

- «в России и в постсоциалистических странах Восточной Европы... повышение экономического уровня не привело к росту удовлетворенностью жизнью»;

- «если индивидуальный доход растет, а доход других – нет, то уровень счастья человека повышается; если же индивидуальный доход растет наряду с доходами других, то уровень счастья человека не изменяется».

Ненаучность утилитарного подхода к оценке нравственных категорий проявилась в сделанных выводах в явно показательной форме, что можно было бы даже поставить в заслугу исследователям, не преследуй они иной цели. Только для не уяснившего невозможность внеэтического способа познания душевно-духовных ипостасей не покажется полным бредом заявление о том, что «данные медицинских исследований могут дать довольно точное представление об уровне счастья людей» [1].

Дальнейшее развитие теория индивидуального рационального выбора получила у И. Розмаинского. Ее содержание излагается столь же однобоко, только здесь оно уже дополняется анализом сущности «капитала здоровья», выполненным с той же гипертрофированностью, что и при исследовании других качеств человеческой личности: «...запас... здоровья определяет суммарное количество времени, которое он (человек. – Ю.Ш.) сможет потратить, зарабатывая деньги и производя товары»; «по сути, закономерности управления инвестициями в капитал здоровья ничем не отличаются от закономерностей инвестирования в физический капитал» [30].

Вообще отношение к человеку в экономической теории – неизменно сугубо тактильное, его ценность она низводит в основном до носителя рабочей силы и потребителя материальных благ:

«Понятие «человеческий капитал» должно определять меру воплощения в человеке способности приносить доход» [37. С. 303].

«Человеческий капитал таковым является только тогда, когда инвестиции в человека обеспечивают реализацию конкретного экономического интереса» [4. С. 15].

«Понятие «человеческий потенциал» включает в себя оба... аспекта (человека, как потребляемого ресурса, и человека, как потребляющего ресурса)» [4. С. 20; 24].

Разумность бытия современного субъекта общества потребления, таким образом, оценивается исподволь исключительно материалистическими категориями его жизненных предпочтений. «Что касается рациональности современного Homo economicus, обособившейся от своего этического начала, то ей в высшей степени свойственны утилитарные представления о нравственном поведении: оно обладает ценностью в той мере, в какой приносит экономическую выгоду. Честность и умеренность являются добродетелями в том смысле, что выступают гарантами кредитоспособности и финансовой состоятельности индивида» [34. С. 56].

Завершает рассмотрение этого вопроса предельно лаконичное по форме и неприкрыто прагматичное по содержанию высказывание Р.Г. Малахова: «...в экономике под концепцией рациональности предполагается... максимизация полезности или прибыли» [23].

Более глубоко и всесторонне рассматривается в экономической литературе другая метафизическая категория, – *доверие*. Ф. Власов и Е. Колотовкина, отмечая, что «доверия добиваются и люди, далеко не безупречные в нравственном отношении, осознанно ориентированные лишь на получение личной выгоды» и что «доверие не обязательно сопряжено с уверенностью в добросовестности партнера», констатируют: «первичным импульсом доверия во многих случаях являются не симпатия или антипатия к партнеру, а ожидаемые выгоды от сотрудничества»; «в условиях развитого рынка именно доверие к деньгам делает излишним личное доверие».

Снова налицо попытка, уже других аналитиков, отыскать денежный эквивалент для этической категории. Но, к их чести, исследование далее расширяет свои границы, в его орбиту включаются проблемы, которые рынок решить не в состоянии традиционными для него способами.

Анализируя виды доверия в экономике, авторы обращают внимание на субъект, не вовлеченный в процесс накопления капитала, – население: «Доверие населения к бизнесу зависит не только от структуры и уровня занятости, доходов и потребления, но и от того, насколько деятельность предпринимательских структур отвечает интересам общества... Доверие населения к государству определяется мерой согласия с политической линией власти, представлениями о справедливости принимаемых властью законов, объективностью и непредвзятостью чиновников, качеством предоставляемых государством услуг».

Оказывается, что помощь именно такого абстрактного для мира физического индикатора, как доверие, является наиболее действенной, позволяющей с высокой степенью достоверности проанализировать эффективность деятельности основных субъектов рыночной экономики – государства и бизнеса. Развивая далее свою мысль, ученые выдвигают трансцендентность в качестве основного критерия аллокации экономического пространства, настаивая на том, что этические принципы, к которым они относят и общественную мораль, являются одним из «основных элементов институциональной среды, в которой действуют экономические агенты и которые непосредственно формируют их ожидания. Неформальные нормы довольно устойчивы и не подвержены быстрому изменению».

Именно поэтому «законы, например, и другие нормативные акты успешнее работают при условии, если соответствуют понятиям о справедливости, привычкам и традициям, укоренившимся в обществе. Если же этого нет, тогда нарушения закона могут стать массовыми, что будет означать его фактическое неисполнение, либо это исполнение наполнится несвойственным законом содержанием». Свои теоретические выкладки авторы подтверждают итогами внедрения в стране страховой медицины, накопительной пенсионной системы, реформирования ЖКХ и российского образования. Добавим от себя: это касается судьбы абсолютно всех других преобразований в социально-экономической жизни общества.

Подчеркивая далее, что «подмена множества социальных и духовных ценностей утилитарными ценностями наживы и потребления» стала уже весьма заурядным явлением, Ф. Власов и Е. Колотовкина делают вывод, который я целиком и полностью разделяю: «Здоровое общество отличается от больного как раз тем, что, наряду с ценностями накопления материальных благ, бытового комфорта и потребления, существуют иные ценности, связанные с гражданской ответственностью, солидарностью, состраданием и сочувствием, необходимостью помогать слабым, заботиться о будущих поколениях наших сограждан. Когда же... на первый план выступает погоня за материальным богатством, тогда... цели деформируются, что самым негативным образом отражается на всем обществе. К сожалению, именно такая подмена и характерна для современной России» [6].

Подобное отношение к роли *душевных качеств* как к факторам, активно формирующим сферу материального производства общества, встречается в экономической литературе крайне редко. Как правило, если в своих исследованиях авторы и затрагивают эту тему, то стоят при этом на традиционных вульгарно-детерминистских позициях. Так, Д. Петросян и Н. Фаткина, ставя задачу сформулировать этические принципы социально-экономической политики государства, тоже, как и предыдущие исследователи, обращают внимание на «целесообразность равноправного сочетания формальных правовых и неформальных этических норм при регулировании поведения экономических агентов».

Обеспечения такого сочетания авторы предлагают достигнуть путем соблюдения требования «этичности коммуникаций». Но каким образом можно этого добиться, если эти агенты, как, противореча самим себе, заявляют ученые, «руководствуются собственными экономическими... нравственно-

этическими и иными критериями»? Последние не могут быть у каждого свои, они всеобщие, индивидуальными являются поступки, им соответствующие или их отторгающие. Коммуникации же экономических агентов преследуют только одну цель – получение прибыли, которая никак не связана с нравственными институтами.

Абсурдным представляется и выдвигаемое авторами требование, которого придерживается и В.И. Клисторин [11. С. 173], о необходимости ревизии и самих этических норм [27], Нравственные принципы есть законченное совершенство, неподвластное, естественно, никаким метаморфозам. Трансформируются, причем зачастую в противоположных направлениях, только моральные устои в обществе в связи со сменой в нем формы государственного устройства, а также сами представления о духовных ценностях и отношение к ним у различных людей в зависимости от уровня их эволюционного развития.

Конечно же, прав М. Первушин, утверждая: «...в экономических отношениях, как и во всех других, должны присутствовать ясные этические нормы. Они не могут быть и не должны быть лишены нравственного измерения». Но, с другой стороны, нельзя согласиться с автором в том, что «предпринимательство – это такой же законный вид человеческой деятельности, как, к примеру, наука, искусство или военное дело... В этой профессии также необходимо наличие некоего (предпринимательского) таланта (Божьего дара), как и в любой другой». Эта посылка ложна по своей сути: обществу Добра нравственно неприемлема сама цель предпринимательской деятельности – извлечение прибыли, а иначе говоря, личное обогащение, создающее объективную основу для седиментации людей по уровню материальной обеспеченности.

М. Первушин заблуждается и тогда, когда в категоричной форме заявляет: «...расслоение общества на богатых и бедных существовало всегда и, наконец, сохранится до конца времен... Социальное неравенство может и должно быть поводом не к противостоянию, насилию и страданиям, а к добродетели, к нравственному возрастанию» [26]. Оправдывая неравенство людей по уровню материального благосостояния, невозможно обеспечить приоритет нравственных ценностей, ибо справедливость – категория сугубо абсолютная: нельзя быть немного несправедливым. Исторический опыт наглядно свидетельствует о том, что чем большая дифференциация людей по имущественному положению происходит в обществе, тем сильнее размываются в нем этические нормы – корысть превращает нравственность в энтропию.

Особняком от других научных изысканий стоит исследование Б. Рахаева, А. Ульбашевой и Б. Бизенгина, в котором обосновывается наличие в экономическом пространстве бытия *нематериальных субстанций*. Последние – «ожидание, представление, восприятие основных феноменов индивидуальной и общественной жизни (например, справедливость, долг, доверие, богатство и т.д.)» – в совокупности именуются «третьей силой», которая, по замыслу авторов, вместе с государством и рынком оказывает решающее воздействие на эффективность производственной деятельности.

Подчеркивая, что «...в экономике действуют люди, наделенные сознанием, имеющие определенные знания, логику, память, убеждения, заблуждения,

эмоции, страсти и проч., а не роботы и автоматы, действующие по заранее разработанной и заданной программе», ученые предприняли попытку протестировать «механизм превращения индивидуальных человеческих восприятий, представлений, переживаний и ожиданий в сознательный (или –ые) регулятор (-ры) экономики».

Однако сделанные учеными выводы откровенно разочаровали. Определяя ожидание «как мотив поведения человека, но не в виде индивидуальных, субъективных мотивов, зависящих исключительно от психосоматических особенностей индивида, а в виде определенных норм исполнения индивидом социальных ролей в обществе (коллективе, группе)», исследователи, заполняя его примитивно-эгоистическим содержанием, дают ему сугубо материалистическое толкование. «Речь идет о получении или неполучении определенных выгод/убытков в зависимости от того или иного поведения... Поэтому в бизнес-структурах... можно говорить о рациональных ожиданиях, т.е. там каждый субъект хозяйствования вправе ожидать от своих коллег или контрагентов поведения, которое соответствует их ролевой позиции в бизнесе, и сам следует этим соображениям».

Дальше – больше. «Но как влияют представления о фундаментальных основах бытия: жизни, смерти, рождения и проч. на экономическое развитие? Утвердительно можно заметить: через экономическое поведение... Выясняется, что люди по-разному ведут себя даже в обыденной жизни и тем более в хозяйственной практике в зависимости от представлений о жизни и смерти. В одном случае они активно ведут накопление материальных и нематериальных факторов и условий жизни, в другом – стремятся к аскетизму, в третьем – «прожигают жизнь». Не получилось у авторов создать портрет живого человека на фоне экономики, на месте его снова зримо проступают черты оголтелого прагматика, склонного лишь к животнo-механистическому образу жизни.

И, видимо, совсем материалистический туман затмил разум исследователей в момент, когда они сделали вывод о том, что «... представления играют фундаментальную роль в формировании экономического поведения человека тем, что... они формируют модель потребления и модель накопления... Представления о жизни и смерти формируют пропорции между потреблением и накоплением, т.е. предельные склонности к потреблению и сбережению... Внутри сформировавшейся модели потребления посредством таких инструментов, как справедливость, благо, добродетель, выгода, успех и проч., формируются такие признаки экономического поведения, как активность/пассивность, последовательность/непоследовательность и т.д.».

Представления о жизни и смерти отражают прежде всего мировоззрение человека: оно либо экзотерическое, в котором плоть превалирует над духом, либо эзотерическое, когда духовное начало доминирует безраздельно. Эволюция личности происходит в направлении созревания последнего безотносительно к ее материальному статусу. Считать его определяющим для понимания и оценки трансцендентных особенностей личности – типично позитивистское невежество.

Вообще с характеристикой представлений и восприятий жизни и смерти у авторов получается полная галиматья. В соответствии с их концепцией,

«жизнь интерпретируется не как биологический феномен, а как институциональный объект, понимаемый как совокупность норм, правил поведения, предполагающих воспроизводство биологического феномена в различных формах. Смерть же понимается как совокупность правил и норм поведения, целенаправленно или неосознанно уничтожающих в различной форме (от ограничений и запретов до культивирования различных способов уничтожения) воспроизводство биологического феномена жизни. Поэтому всякое создание новых или же возрождение старых правил, способствующих воспроизводству биологического феномена жизни, представляет жизнь. Всякое же уничтожение правил и норм, обеспечивающих воспроизводство биологического феномена жизни (и его носителей), а также производство правил и норм, запрещающих воспроизводство биологического феномена (и носителей) жизни, представляет смерть. Все остальное формируется на этой линейке, привнося в нее лишь своеобразные «стилистические» особенности и отличия» [20].

То, что исследователи подразумевают под «жизнью», есть не что иное, как Бог, Абсолют, творящий добро, а феномен, определенный ими как «смерть», – это сатана, дьявол, сеющий зло. Поэтому обе выделенные авторами модели – развивающаяся и стагнирующая – представления и восприятия жизни и смерти и их трансформации в экономическое поведение людей являют собой различные конфигурации соотношения этих двух абсолютных начал в бытии. Когда в обществе царят свобода и справедливость, т.е. добро одолевает зло, людям гарантируются счастье и процветание. В противном случае, если зло оказывается сильнее добра, социум воспроизводит в людской среде материальное неравенство и насилие, несущие индивидам страдания и беды. И так всегда: истина проступает во всей своей полноте и целостности только тогда, когда ученый в ее поиске руководствуется законами духовной науки.

Важнейший вывод, который закономерно вытекает из результатов анализа литературных источников, заключается в следующем: **метафизичность явлений**, сопровождающих процесс материального производства, имеет под собой объективную основу и **является необходимой составной частью экономики**. Рыночный же ее механизм, взращивающий только корыстолюбие участников производственной деятельности, обуславливает этическую противоестественность такого хозяйственного уклада.

Алчность, веками культивируемая в человеке, ограниченном жесткими рамками рынка, не могла не создать благодатную почву для посева в нем по преимуществу негативных личностных качеств, таких как эгоизм, склонность к обману, малодушие, безразличие, бесчестие, бессердечие и пр. Единственно возможным способом избавления от всепоглощающего меркантилизма в индивидуе является сознательная ориентация общества на альтруизм во всех видах человеческих взаимоотношений, в том числе и в экономике; тогда такие свойства, как дружба, честность, благородство, любовь, сострадание, честь, великодушие, сохраняются в первозданной чистоте и не будут извращены волчьими законами рынка.

Только при таком исходе хозяйственная деятельность людей будет находиться на одной волне вибрации с окружающим их Миром: природой на Зем-

ле, обеспечивающей сохранность среды обитания человека, ментальной сферой бытия в Космосе, дающей возможность тесного взаимодействия на принципах любви и добра со всеми духовными сущностями Вселенной. Согласимся с Б.В. Салиховым и Д.А. Летуновым: «...формирование ноосферного типа воспроизводства представляется возможным исключительно в условиях и рамках ноосферизации экономики знаний, выявляющей и обосновывающей пути и способы разумного хозяйствования и «джентльменского» отношения человека к природе, а, по сути и к самому себе» [31. С. 26].

Но в корне неверным представляется другое суждение этих же авторов, как-то: «...два вида экономического пространства (дискурсивное – под которым авторы понимают нравственно ориентированное (Ю.Ш.), – и рыночное) не противостоят, а взаимодополняют друг друга» [31. С. 28]. На самом деле это антиподы, механизмы функционирования которых принципиально противоречат друг другу. Первое из этих пространств есть более высокий этап развития человеческой цивилизации и так же, как, например, социализм невозможно «врастить» в капитализм, так и гуманизированные сферы человеческого общежития не могут быть искусственно встроены в рамки рыночной экономики.

Многу рассмотрена лишь малая толика из того поистине необъятного и нескончаемого массива информации экономической направленности, который ежедневно обрушивается на читателей со страниц многочисленных журналов, сборников, монографий, сайтов. В большинстве публикаций их авторы не ставят своей целью сказать что-то новое, претендовать на некое научное достижение в этой области. **Преобладающая часть изданного материала по экономике** – это банальность, тавтология, эклектика и компиляция. В тех же немногочисленных трудах, где присутствует определенная свежесть мысли и оригинальность ее трактовки, они неизменно находятся под последовательным и неприкрытым влиянием рыночных догматов.

Все научные изыскания строятся по одному шаблону. В качестве предмета исследования традиционно выступают различные сегменты рыночного хозяйства, а применяемые при этом методы неизменно рассматривают экономические процессы как **механистические действия**, включая поступки и самого человека, сводя его роль к поведению робота, безропотно предоставляющего рынку один из главных для него ресурсов – рабочую силу.

Наиболее популярными направлениями таких исследований являются нижеследующие:

- «математизация» экономических явлений, установление корреляционных и регрессионных зависимостей между разнообразными рыночными параметрами (показателями ресурсного потенциала территории, направлениями развития деятельности кредитных организаций, критериями и условиями инновационной активности и др.);

- изобретение несуществующих функций, принципов, механизмов их действия и проявления для различных экономических категорий – финансов (функций, им приписываемых, насчитывается у различных ученых от трех до девяти), бюджета, бюджетного дефицита, кредита, налога, капитала, инвестиций и пр.;

– пространные и невнятные уточнения набивших оскомину терминов и дефиниций (банковский и аудиторский риски, налоговая нагрузка, финансовые диагностика и устойчивость, денежные потоки, инвестиционная стратегия и т.п.);

– выдумывание мифических методических подходов и моделей по реализации той или иной схемы функционирования субъектов хозяйствования (системы земельно-ипотечного кредитования, промышленной политики региона, конкурентноспособности коммерческого банка и пр.).

Негативное воздействие стереотипов отчетливо прослеживается и в приведенных выше цитатах из литературных источников, в которых содержатся результаты исследований, признанные как одни из наиболее значимых достижений в экономической сфере, хотя и не выходящих за рамки ее традиционных представлений. Это дает мне право утверждать, что представленная выборка не содержит в себе серьезной статистической погрешности, вследствие которой возникает опасность упустить из виду, пропустить целый пласт работ ярких и нестандартных.

Погоня за количеством анализируемых публикаций в данном случае не имеет никакого смысла, их увеличение никак не повлияет на суммарность сделанных выводов. Материал подборки несет в себе основной спектр наличествующих экономических воззрений и может квалифицироваться как **типичный**; являясь частью, он тем не менее достоверно отражает свойства общего, т.е. итоги всей совокупности имеющихся исследований. Их ассимиляция фиксируется следующим лапидарным резюме: **содержание теоретических изысканий в области экономики научной ценности в себе не заключает**, ибо в основе своей имеет набор знаний, во-первых, морально устаревших, а во-вторых, оторванных от общечеловеческих ценностей.

«Любая экономическая теория, которая хочет быть чем-то большим, чем вариационное исчисление с заданными параметрами, и не желает постоянно опровергать себя с помощью оговорки «при прочих равных условиях», уже является некоторой онтологической теорией максимизации существования и ценности в мире...» [14. С. 21]; но при этом «настоящая наука всегда не окончательна и открыта к пересмотру своих выводов в свете новых данных или нового опыта» [18. С. 11].

Нравственное структурирование экономики – вот путь ее прогрессивного преобразования, в соответствии с которым эффективность производственной деятельности находит свое выражение не в величине абстрактных параметров финансовой состоятельности различных субъектов хозяйствования – прибыли, рентабельности, ВВП и др., – а обретает **духовное измерение**.

Слова академика Д.С. Львова подтверждают и развивают этот тезис: «Сегодня у общественных деятелей и ученых в разных странах вызревает понимание необходимости смены господствующей экономической доктрины — «Вашингтонского консенсуса», который уводит человечество от решения фундаментальных проблем социального мира на земле, ставит материальное и мертвое выше духовного и живого.

Экономическая наука, которую сегодня столь упорно подталкивают в односторонность либералистской доктрины, не обладает и никогда не будет обладать рецептом построения перспективной экономической политики и

финансовой системы, если она не будет основана на началах нравственного возрождения общества. А оно возможно лишь тогда, когда общественное самосознание и опирающаяся на него воля правительства ясно и недвусмысленно обращены в первую очередь на то, чтобы труд и мастерство, воплощенные в них производительные силы нации могли найти полнокровное применение у себя дома, в непосредственно духовно-культурном окружении. Только это в состоянии предотвратить превращение человека в «рабочую силу», покорно ожидающую обмена на мертвые блага животного существования» [20].

Несостоятельность экономической теории, таким образом, является главной причиной несовершенства хозяйственного механизма, многовековое функционирование которого никогда не давало поводов для оптимизма. Напротив, многочисленные и разнообразные по причинам возникновения и формам проявления кризисы в экономическом базисе социума (товарного перепроизводства, на фондовом и валютном рынках, государственного управления и т.п.) провоцируют негативные тенденции и в общественном укладе.

xxx

Любое научное исследование ставит своей целью поиск истины и непредубежденное ее восприятие, которое может совпадать, а может не только не синкретизировать, но и вступать в противоречие с первоначальной научной гипотезой. Теория рыночной экономики идет вразрез с этой аксиомой, у нее свой путь. Здесь изначально товарно-денежные отношения возводятся в ранг непререкаемого авторитета, им отводится роль своеобразной «лакмусовой бумажки», с помощью которой поверяются на самоценность все генерируемые новации в области развития производительных сил и совершенствования производственных отношений. Поэтому то, что не соответствует рыночному механизму, находится с ним в непримиримом противоречии, без всякого сожаления и малейшей тени сомнения тщательно отбраковывается. Научная гипотеза заранее, без ее подтверждения солидной доказательной базой, объявляется истиной.

Маршрут, избранный сторонниками рыночной экономики, способен достичь единственной цели – **утверждение лжи**, и они, можно смело об этом сказать, добились ее. Модель рынка – это несомненный заказ известным исполнителям, призванный, во-первых, завуалировать несправедливость капиталистической системы хозяйствования, а во-вторых, заретушировать, запрятать в дебри казуистики, похоронить под ворохом демагогических выкладок не только альтернативу существующей общественно-экономической формации, но и саму возможность ее появления.

Следовательно, **внутреннее содержание рыночной экономики в виде целостной и стройной научной теории отсутствует**, а наличествует только псевдонаучная концепция организационного механизма поддержания жизнеспособности капиталистической системы хозяйствования вкупе с рецептурой лечения ее наиболее хронических болячек и язв. Конечно же, такая зыбкая методологическая основа не может быть состоятельной, и она неми-

нуемо подвергнется немедленному распаду, когда истина будет восстановлена.

Литература

1. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94, 96, 97, 99, 100, 104
2. Балацкий Е. Китайская модель экономики будущего: развитие через перманентное саморазрушение // Общество и экономика. 2011. № 8–9, С. 293, 304.
3. Беккин Р.И. Тоухидная экономика как разновидность исламской экономической модели // Проблемы современной экономики. 2012. № 2.
4. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006.
6. Власов Ф., Колотовкина Е. Понятие доверия в экономике и российские проблемы // Общество и экономика. 2011. № 10. С. 68,74,75,77,78,83,85–87,91,93,94.
7. Глинчикова А.Г. Частная собственность и общественный интерес – дилемма России // Вопросы философии. 2011. № 3.
8. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М.: ДАРЪ, 2013.
9. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществознания // Вопросы философии. 1997. № 10.
10. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002.
11. Клисторин В.И. Рыночная экономика, нравственность, этика и религия // ЭКО. 2012. № 10.
12. Князев Ю. О возвращении экономики к здравому смыслу // Общество и экономика. 2012. № 3–4. С. 60, 78, 77, 78.
13. Князев Ю. Справедливость и экономика // Общество и экономика. 2012. № 1. С. 34, 57, 38, 47, 48, 51.
14. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999.
15. Койчуев Т. Экономическая наука: ответственность перед будущим // Общество и экономика. 2012. № 12. С. 10–19.
16. Кохно П. Современная цивилизация: возможные контуры будущего // Общество и экономика. 2011. № 8–9. С. 95, 103, 105.
17. Кудров В. К оценке российской социально-экономической системы // Общество и экономика. 2012. № 9.
18. Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5.
19. Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // Российский экономический журнал. 2012. № 5. С. 14, 30, 27, 28, 20.
20. Львов Д.С. // Свободная мысль-XXI. 2004. № 9.
21. Любинин А. Две политэкономи: социально-экономического развития и процессов хозяйствования // Российский экономический журнал. 2012. № 1. С. 95, 97–98.
22. Любинин А. Классический социализм и практика социализма: непреодоленная сложность кажущейся прототы // Российский экономический журнал. 2011. № 1.
23. Малахов Р.Г. Определение ключевых гипотез синтетической программы исследования собственности // Проблемы современной экономики, 2008, № 4.
24. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114–132.
25. Орлов А. От трудовой теории стоимости Маркса к новой экономической концепции, или о природной основе законов экономики // Общество и экономика. 2012. № 3–4. С. 101–116.
26. Первушин М.В. Православие и экономика: аксиологические ориентиры русского капитализма. URL: <http://www.bogoslov.ru>
27. Петросян Д., Фаткина Н. Этические принципы в социально-экономической политике России // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 128–129, 132.
28. Рахаев Б., Шомахова М., Бизенгин Б. Будущее России: собственная, особая экономическая модель? // Общество и экономика. 2012. № 9. С. 5, 9.

29. Рахаев Б., Ульбашева А., Бизенгин Б. Три силы в экономике: государство, рынок, общественное сознание, восприятие феноменов бытия и представления о них (SPIRITUS ANIMALIS) // Общество и экономика. 2012. № 12. С. 114, 115, 118, 119, 120, 122, 121–122, 123, 124, 125.
30. Розмаинский И. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 114, 115.
31. Салихов Б.В., Летунов Д.А. Интеллектуальная экономика как нравственно-этическая форма инновационного развития // Проблемы современной экономики. 2008. № 3.
32. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора. // Православная беседа. 2004. № 2.
33. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
34. Сорочайкин А.Н. Генезис рациональности. «Номо есономісус» // Экономические науки. 2012. № 10.
35. Ставинский Н. Капитализм сегодня и капитализм завтра. М.: Изд-во УРСС, 1997.
36. Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 79, 80, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 95.
37. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М.: Дело, 1995.
38. Флербе М. За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 34, 36, 37, 39, 43, 48.
39. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.
40. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992.
41. Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М.: К.Т. Солдатенков, 1902.
42. Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
43. Lucas R. On the Mechanles of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, № 1.

Shvetsov Y.G. Altai State Technical University of name I.I. Polzunov (Barnaul, Russia). E-mail: yu.shvetsov@mail.ru.

THE SPIRITUAL - MORAL INSOLVENCY OF THE CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY.

Keywords: the economy, morals, economic theory, the types of management, materialism, human factor, the metaphysical conditions of phenomena, the intellectual values.

In the article is advanced the author's concept about the absolute of the ethical sizes of existences in the universe, the degree of vitality or latency of which in the astral- mental space of our planet radically influences the type of ekzistentsii of society and its material base. Structurally is refuted the idea about the fact that solidly taken root in sotsume this is – ekonomiks science. The ethical detrimentalness of the theoretical platform of market economy proves, the need for the reconsideration of all its methodological principles is based. It argues, that the metaphysical conditions of the phenomena, which accompany the process of material production, is founded upon objective basis and is the necessary component part of the economy.

References

1. Antipina O. Ekonomicheskaya teoriya schastya kak napravlenie nauchnyih issledovaniy // Voprosy ekonomiki, 2012, № 2, S. 94, 96, 97, 99, 104, 100.
2. Balatskiy E. Kitayskaya model ekonomiki buduschego: razvitie cherez permanentnoe samorazrushenie // Obschestvo i ekonomika, 2011, № 8-9, S. 293, 304.
3. Bekkin R.I. Touhidnaya ekonomika kak raznovidnost islamskoy ekonomicheskoy modeli // Problemyi sovremennoy ekonomiki, 2012, № 2.
4. Bulanov V., Kataytseva E. CHelovecheskiy kapital kak forma proyavleniya chelovecheskogo potentsiala // Obschestvo i ekonomika, 2011, № 1.
5. Veber M. Protestanskaya etika i duh kapitalizma. – М.: ROSSPEN, 2006.
6. Vlasov F., Kolotovkina E. Ponyatie doveriya v ekonomike i rossiyskie problemyi // Obschestvo i ekonomika, 2011, № 10, S. 68,74,75,77,78,83,85-87,91,93,94.

7. Glinchikova A.G. CHastnaya sobstvennost i obshchestvennyiy interes – dilemma Rossii // *Voprosy filosofii*, 2011, № 3, S. 6-7.
8. Ilin I.A. O soprotivlenii zlu siloy. – M.: DAR, 2013.
9. Inozemtsev V.L.. Teoriya postindustrialnogo obshchestva kak metodologicheskaya para-digma rossiyskogo obshchestvoznaniiya // *Voprosy filosofii*, 1997, № 10.
10. Keyns Dj. M. Obschaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. – M.: Gelios ARV, 2002.
11. Klistorin V.I. Ryinochnaya ekonomika, nravstvennost, etika i religiya // *EKO*, 2012, № 10.
12. Knyazev YU. O vozvrashchenii ekonomiki k zdrazvomu smyslu // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 3-4, S. 60, 78, 77, 78.
13. Knyazev YU. Spravedlivost i ekonomika // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 1, S. 34, 57, 38, 47, 48, 51.
14. Kozlovski P. Printsipy eticheskoy ekonomii. – Spb.: Ekonomicheskaya shkola, 1999, S. 21.
15. Koychuev T. Ekonomicheskaya nauka: otvetstvennost pered buduschim // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 12, S. 10-19.
16. Kohno P. Sovremennaya tsivilizatsiya: vozmojnyie konturyi buduschego // *Obshchestvo i ekonomika*, 2011, № 8-9, S. 95; 103, 105.
17. Kudrov V. K otsenke rossiyskoy sotsialno-ekonomicheskoy sistemyi // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 9.
18. Key Dj. Karta – ne territoriya: o sostoyanii ekonomicheskoy nauki // *Voprosy ekonomiki*, 2012, № 5.
19. Lifshits M. Nравstvennoe znachenie Oktyabrskoy revolyutsii // *Rossiyskiy ekonomicheskii jurnal*, 2012, № 5, S. 14, 30, 27, 28, 20.
20. Lvov D.S. // *Svobodnaya myisl-HHI*, 2004, № 9.
21. Lyubinin A. Dve politekonomii: sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya i protsessov hozyaystvovaniya // *Rossiyskiy ekonomicheskii jurnal*, 2012, № 1, S. 95, 97-98.
22. Lyubinin A. Klassicheskii sotsializm i praktika sotsializma: nepreodolennaya slojnost kashcheysya prototy // *Rossiyskiy ekonomicheskii jurnal*, 2011, № 1, S. 37.
23. Malahov R.G. Opredelenie klyuchevyih gipotez sinteticheskoy programmy issledovaniya sobstvennosti // *Problemyi sovremennoy ekonomiki*, 2008, № 4.
24. Mau V. CHElovecheskiy kapital: vyzovy dlya Rossii // *Voprosy ekonomiki*, 2012, № 7, S. 114-132.
25. Orlov A. Ot trudovoy teorii stoimosti Marksa k novoy ekonomicheskoy kontseptsii, ili o prirodnoy osnove zakonov ekonomiki // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 3-4, S. 101-116.
26. Pervushin M.V. Pravoslavie i ekonomika: aksiologicheskie orientiryi russkogo kapitalizma // <http://www.bogoslov.ru>.
27. Petrosyan D., Fatkina N. Eticheskie printsipy v sotsialno-ekonomicheskoy politike Rossii // *Voprosy ekonomiki*, 2009, № 2, S. 128-129, 132.
28. Rahaev B., SHomahova M., Bizengin B. Budushee Rossii: sobstvennaya, osobaya ekonomicheskaya model? // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 9, S. 5, 9.
29. Rahaev B., Ulbasheva A., Bizengin B. Tri silyi v ekonomike: gosudarstvo, ryinok, obshchestvennoe soznание, vospriyatие fenomenov byitiya i predstavleniya o nih (SPIRITUS ANIMALIS) // *Obshchestvo i ekonomika*, 2012, № 12, S. 114, 115, 118, 119, 120, 122, 121-122, 123, 124, 125.
30. Rozmainskiy I. Pochemu kapital zdorovya nakapliwaetsya v razvityih stranah i «proedaetsya» v postsovetsoy Rossii // *Voprosy ekonomiki*, 2011, № 10, S. 114, 115. Sm. takje Hends U. Normativnaya teoriya ratsionalnogo vyibora: proshloe, nastoyashee i budushee // *Voprosy ekonomiki*, 2012, № 10, S. 52-75.
31. Salihov B.V., Letunov D.A. Intellektualnaya ekonomika kak nravstvenno-eticheskaya forma innovatsionnogo razvitiya // *Problemyi sovremennoy ekonomiki*, 2008, № 3.
32. Svod nravstvennyih printsipov i pravil v hozyaystvovanii. Prinyato na itogovom plenarnom zasedanii VIII Vsemirnogo Russkogo Narodnogo Sobora. // *Pravoslavnaya beseda*, 2004, № 2.
33. Smit A. Teoriya nravstvennyih chuvstv. – M.: Respublika, 1997.
34. Soro chaykayn A.N. Genezis ratsionalnosti. «Homo economicus» // *Ekonomicheskie nauki*, 2012, № 10, S. 56.
35. Stavinskiy N. Kapitalizm segodnya i kapitalizm zavtra. - M: Izd.URSS, 1997.
36. Storchevoy M. Novaya model cheloveka dlya ekonomicheskoy nauki // *Voprosy ekonomiki*, 2011, № 4, S. 79, 80, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 95.
37. Fisher S., Dornbush R., SHmalenzi R. Ekonomika. – M.: Delo, 1995, S. 303.

38. Flerbe M. Za predelami VVP: v poiskah meryi obschestvennogo blagosostoyaniya // Voprosyi ekonomiki, 2012, № 3, S. 34, 36, 37, 39, 43, 48.
39. Fromm E. Imet ili byit? - M., 1990.
40. Hayek F.A. Pagubnaya samonadeyannost. – M.: Novosti, 1992, S. 17.
41. SHmoller G. Narodnoe hozyaystvo, nauka o narodnom hozyaystve i ee metodyi. Hozyaystvo, nravyi i pravo. Razdelenie truda. – M.: K.T. Soldatenkov, 1902.
42. Errou K.Dj. Kollektivnyi vyibor i individualnyie tsennosti. – M.: GU-VSHE, 2004.
43. Lucas R. On the Mechanles of Economic Development // Journal of Monetary Economics, 1988, vol. 22, № 1, P. 5.